

АЛИСА
БУЛАНОВА

ЭЛИС
КАРМА

18+

ИСТИННАЯ ДЛЯ ЛЮТОГО

Элис Карма

Истинная для лютого

«Автор»

2022

Карма Э.

Истинная для лютого / Э. Карма — «Автор», 2022

Майя - тихая и прилежная студентка зоологического факультета. Из-за детской травмы ей тяжело даётся общение с парнями. Во время исследовательской экспедиции в тайге, она попадает в место, населённое мужчинами-оборотнями. У неё есть лишь один шанс, чтобы выжить и не стать безвольной игрушкой в их руках - довериться таинственному незнакомцу, пришедшему ей на выручку. Но что ей делать, если спаситель тоже оказывается оборотнем?

© Карма Э., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Часть 1 «Зелёное море тайги»	6
1.2	8
1.3	10
Часть 2 «Моя пленница»	13
2.2	15
2.3	17
Часть 3 «Отшельник»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Элис Карма, Алиса Буланова

Истинная для лютого

Пролог

Утренний воздух прохладен и свеж. Он пахнет смолой и хвоей. Я сижу у приоткрытого окна и смотрю на стелющийся от леса туман. Небо только-только начало светлеть, оттого всё вокруг приобретает оттенок таинственности: тихий шелест листвы и скрип ветвей деревьев, крики выпи и уханье совы, стрекотание насекомых. Легкий холодок пробегает по коже, но я не уверена, от порыва ветра он, или от осознания, что на многие километры вокруг нас никого нет.

Слышу шаги за спиной. Мой надзиратель и защитник в одном лице подходит и заключает в крепкие жаркие объятия. Чувствую, как сердце начинает ускоренно биться в груди. Я задерживаю дыхание, чтобы не выдавать волнения. И так кажется, что он видит меня насквозь.

– Ты замёрзла, – говорит он, проводя широкими ладонями по рукам. – Вся дрожишь.

Мне хочется сказать, что эта дрожь от его прикосновений. Ничего не могу поделать с собой, ведь каждое из них заставляет меня трепетать. Никогда прежде в своей жизни я не чувствовала ничего подобного. Более того, я ни одного мужчину не в состоянии была подпустить к себе. А сейчас всё, что мне остаётся – это пытаться не потерять окончательно голову.

– Мне не холодно, – качаю я головой, поднимая на него глаза. – Наоборот хорошо. Ты слишком жаркий.

Выходит двусмысленно, но это правда. От него веет жаром буквально. Видимо такая особенность. А от поцелуев и горячих ласк в жар бросает и меня тоже. Он улыбается в ответ на моё замечание, а затем подхватывает меня на руки и несёт в комнату. Я вроде сопротивляюсь на словах, но все равно хватаюсь за его сильные плечи и висну у него на шее. Чувствую его взволнованное сердцебиение и не могу сдержать улыбку.

Он бережно опускает меня на кровать и распахивает свою рубашку, которую дал мне в качестве ночной сорочки. Некоторое время с горящим взглядом любит мое тело, затем касается ладонью живота и плавно ведёт к груди. Приятные мурашки расходятся по всему телу. Он слегка сжимает мои груди и потирает соски. Я чувствую, как волна возбуждения, на время утихшего, вновь приливает к низу живота. Выдыхаю через рот, невольно выдавая тихий стон. Горячая рука скользит по животу вниз. Пальцы аккуратно проникают внутрь, растирают влагу, поглаживают. Я издаю ещё один стон и закусываю губу. Он склоняется ко мне, целует горячо губы, шею и плечи. Внизу становится более влажно, я невольно выгибаюсь навстречу его руке, осознавая, что хочу уже вовсе не руку. Хочу чувствовать его в себе целиком. Хочу, чтобы он любил меня всю без остатка.

– Хочу... – вырывается у меня тихим шёпотом. – Хочу тебя.

Он улыбается, целует меня отрывисто в губы, а затем отстраняется и разводит мои бёдра. Меня снова пробивает дрожь, на сей раз от предвкушения.

Шум леса и крики птиц заглушают мои стоны. Мы с ним одни в этом месте, и у нас ещё есть время до полнолуния. А потом будь что будет.

Часть 1 «Зелёное море тайги»

1.1

Майя

– Эй, Макарова, как так вышло, что ты единственная получила у Евгеньича экзамен автоматом?

– Да забей, она тебе всё равно не ответит! Негоже боярам с челядью разговоры водить...

Слышу неприятные возгласы за спиной. Пытаюсь спрятаться от косых взглядов за «шторками волос». Ухожу из аудитории как можно быстрее. Впрочем, как всегда. Мои одноклассники считают меня какой-то выскочкой или гордой фифой, которой плевать на всех. И это самые приличные определения, которые они мне дают. Даже наша староста Света, которая, вроде как, была моей подругой и в курсе моей ситуации, примкнула к агрессивному большинству и теперь поддерживает эти глупые слухи о том, что у меня с преподами «особые отношения». Когда мне какой-нибудь доброжелатель по большому секрету рассказывает о них, я отвечаю словами известной песни: «Ах, если бы, ах, если бы... не жизнь была б, а песня...».

Но мне свои первые места в рейтинге учащихся, все высшие баллы за экзамены приходится зарабатывать, тратя миллионы часов в библиотеках или дома за упорной зубрёжкой. А те самые «особые отношения» для меня не доступны в принципе. Ни с кем-то из преподавателей, ни с одним другим парнем на этой планете. Уже очень давно я страдаю от боязни мужчин. В школе наш психолог говорила, что мой случай не похож на полноценную андрофобию, ведь в моём прошлом отсутствуют травмирующие события, что могли привести к такому расстройству. Однако жизнь это мне никак не упрощает. За свои двадцать с небольшим я не то что ни разу не целовалась, даже за руки с парнями не держалась никогда.

В детстве мама часто повторяла мне: «Майя, все мужчины – злые волки». Мы жили с ней вдвоём. Отца своего я никогда не видела и даже боялась спросить у мамы, хотя и было интересно порой. В детском саду, а потом и в школе все смеялись надо мной из-за того, что я боялась мальчиков, как огня. Воспитатели и учителя за глаза называли маму сумасшедшей и крутили пальцем у виска. Но я не могла ничего поделать, другой у меня не было, как не было и какой-нибудь тёти или бабушки, что могли бы вразумить неуравновешенную и работающую на износ мать-одиночку.

Несмотря на все её странности, она была очень хорошей – доброй, любящей, весёлой. Она растила меня, как своё сокровище и всегда баловала, насколько позволяли возможности. Мы жили с ней вдвоём вплоть до первого курса института. Всё это время я не чувствовала себя одинокой, ведь она всегда успокаивала меня. Сразу после моего поступления с мамой случился приступ. Она работала на опасном производстве и подверглась воздействию какого-то химического вещества, в большой концентрации вызвавшего анафилактический шок. По крайней мере, так мне объяснил по телефону мамин начальник, сказал, что я непременно получу страховую выплату и компенсацию на похороны. Я слушала его и не понимала, как мне жить дальше. Мне было плевать на какие-то там компенсации, я хотела, чтобы она, как обычно, вернулась со смены домой. Но время проходило, а её всё не было. Так я осталась одна в огромном мире, полном злых волков, и некому теперь было защитить меня.

– Майя, стой! – кричит мне с верхнего пролёта наш куратор Ольга Леонидовна. Я вздрагиваю и поднимаю глаза.

– Простите, задумалась, – отвечаю я виновато. Преподавательница улыбается.

– Зайдёшь ко мне? Разговор есть, – говорит она загадочно, кивая вверх в сторону кафедры зоологии.

Я смотрю на часы. Следующая пара у нас в этом же корпусе, так что время ещё есть. Но я собиралась пообедать. Не позавтракала с утра и сама какому угодно волку фору дам. Но Ольге Леонидовне отказывать неудобно, она всё-таки наш куратор. К тому же я очень хочу, чтобы она стала моим дипломным руководителем, ведь других доцентов женского пола на кафедре зоологии нет. Взвесив все за и против, я поднимаюсь за ней и направляюсь в преподавательскую. Ольга Леонидовна с улыбкой предлагает мне присесть и даже угощает чаем с крекерами.

– Ты чего такая понурая? Всё хорошо у тебя?

Я киваю, скромно надкусывая пресный квадратик.

– Устала, наверное, – предполагает она. – Ты девушка прилежная ответственная, всё всегда воспринимаешь всерьёз. Иногда даже слишком. Я знаю, потому что сама была такая же.

Ольга Леонидовна, ностальгично вздыхая, на секунду задумывается. Я, стараясь не швыркать слишком громко, отпиваю налитый в кружку кипятка. Он обжигает язык, но я терплю, ибо мне ещё повезло. Могла бы сейчас вообще сидеть голодная.

– Я, собственно, о чём хотела спросить тебя, – опомнившись говорит она. – Поедешь со мной в экспедицию в тайгу?

От неожиданного вопроса дыхание моё становится взволнованным. Кусочек сухого крекера случайно попадает в трахею. Я начинаю кашлять. Тянусь к кружке, чтобы промочить горло, но понимаю, что она слишком горячая.

– С тобой всё нормально? – спрашивает Ольга Леонидовна. – Может водички?

Я интенсивно киваю. Она наспех наливает воду из кулера в пластиковый стаканчик и протягивает мне. Я к тому времени уже успеваю прокашляться. Но воде всё равно рада – она приятно холодит язык и остатки её можно вылить в чай, чтобы было не так горячо.

– А когда? – спрашиваю я наконец. Ольга Леонидовна, видя мой радостный настрой, тоже приободряется.

– В середине мая, – сообщает она воодушевлённо. – Будем изучать заботу о потомстве у волков. Я сейчас на эту тему пишу научную статью. Внесу тебя в список авторов.

Чувствую, как сердце в груди начинает учащённо биться. Я не просто хочу поехать, я готова броситься прямо сейчас туда, хоть и не сезон ещё, мягко говоря. Мало того, что эта экспедиция очень интересная, так я ещё и могу получить свою первую в жизни публикацию! Я уже не говорю о том, что очень долго не увижу своих одногруппников. Да хотя бы ради этого стоит поехать.

– Я готова! – отвечаю я с похожим воодушевлением. – Вот только как быть с экзаменами?

– Придётся экстерном сдать, – чуть посерьёзнев, говорит преподавательница. – Но я посмотрела твою успеваемость, ты почти по всем предметам идёшь на «автомат». Главное, все лабораторные сдать.

Чувствую, как у меня от волнения лёгкая дрожь появляется в конечностях. Конечно, никто мне не обещает помочь с экзаменами. Ну, да и всё равно! Сама всё сделаю и сдам. И плевать, кто там что говорит.

1.2

Закрывать все предметы досрочно оказывается не так просто. Преподаватели разделяются на два лагеря: тех, кто с Ольгой Дмитриевной дружит и готов идти мне навстречу, предоставляя удобное время для защиты лабораторных, и тех, кто её недолюбливает, и нашу с ней договорённость воспринимает чуть ли не как какую-то махинацию. Особенно трудно договориться с нашим экологом Львом Санычем Гавриловым. Он хоть и старший преподаватель, но сын декана факультета, потому позволяет себе лишнего.

– Хочешь досрочно сдать мой предмет, придётся постараться, – говорит он таким гаденьким тоном. У меня мурашки бегут по спине. И как только такие попадают в преподаватели? А, ну да, собственно. Что это я?

Надеяться на Ольгу Дмитриевну тут не приходится. Из методички я беру темы оставшихся до конца года лабораторных работ, а также список литературы. По двум лабам приходится напрячься, поскольку они носят экспериментальный, прикладной характер. Но выбора у меня нет, так что я выполняю всё, согласно инструкции. Параллельно готовлюсь по списку вопросов к устному зачёту.

Вторым сложным этапом в сдаче этого зачёта становится поиск самого преподавателя. Этот тип игнорирует меня и нарушает все договорённости. После наших пар просто уходит, ссылаясь на занятость. А в назначенное для приёма лабораторных время он просто не приходит. В тщетных попытках выцепить его я дохожу до отчаяния. Староста Света то ли по доброте душевной, то ли из жалости, даёт мне его личный номер. Пересилив себя, я звоню Льву Санычу. Голос по телефону у него странный, я даже подумываю бросить трубку, но мысль об экспедиции придаёт мне смелости.

– А, это ты, Макарова, – разочарованно вздыхает Гаврилов. – Что там? Зачёт... Ну, давай, приезжай ко мне, приму.

У меня мороз по коже от его предложения.

– В смысле, к вам? – полушепотом спрашиваю я.

– А какой тут ещё может быть смысл в субботу утром? Домой, разумеется. Адрес продиктовать или запомнишь?

– Э-э, я не могу... – холодея, произношу я. Он тяжело вздыхает в трубку.

– Слушай, Макарова, это кому надо: тебе или мне? – раздражённо бросает он. – Всё, короче, давай. Надоела.

– Стойте-стойте, Лев Саныч! – кричу я в страхе. – Я приеду, ладно. Диктуйте адрес.

Наверное, расскажи я кому-то про это, мне сказали бы, что я спятила. Но я действительно доведена до ручки. Начинаю уже сомневаться, что он в принципе примет у меня что-либо досрочно. Кажется, что я за это время достала его настолько, что он теперь будет валить меня из принципа. Ну и поиздевается ещё, как пить дать. Но боюсь я, конечно, совсем не этого.

Стою перед дверью, гипнотизирую звонок. Коленки трясутся. Кажется, ещё чуть-чуть, и я поверну обратно к лифту. Я в жизни стараюсь мужчин избегать. Даже в общественном транспорте держусь на расстоянии, хотя порой это даётся с огромным трудом. И всё же каким-то чудом указательный палец касается звонка. Я напряжённо жду. Повторяю про себя слова приветствия и благодарности за то, что Лев Саныч пошёл мне навстречу. Стараюсь улыбаться, потому что улыбка, вроде как, располагает людей.

Гаврилов с недовольным видом открывает мне. В драных джинсах и мятой футболке выглядит он совсем иначе нежели в институте. Неаккуратный и потрёпанный – настоящий раздолбай, как сказала бы мама. Тёмные выющиеся волосы непричесанны и стоят торчком, на лице – щетина. Вдобавок, от него разит алкоголем. Мне с порога хочется повернуть назад.

Но теперь уже кажется, что если уйду, то точно испорчу с ним отношения окончательно, и не видеть мне зачёта.

– Проходи, – небрежно говорит он и проводит в грязную кухню.

Я оглядываюсь по сторонам. Обстановка в квартире выглядит дорогой, но сильно неаккуратной и захлавленной. Встаю у стеночки, прижимая сумку к груди. Лев Саньч окидывает взглядом замусоренный стол с остатками еды и вазой с окурками.

– Ну что там у тебя? – спрашивает он, оборачиваясь на меня. Я пару секунд хлопаю глазами, потом спохватываюсь и достаю из сумки лабораторные. Протягиваю ему их и зачётку.

– Я и по итоговым вопросам, если что подготовилась, – заверяю его.

Он смотрит снисходительно на лабы, потом на меня. Странная улыбка появляется на его лице.

– Ты совсем, что ли, дура? – спрашивает он. – Думаешь так надо было готовиться?

Мне его тон не нравится совершенно. Инстинктивно пячусь назад, но упираюсь в стену. Гаврилов бросает лабы на ближайший табурет и подходит ко мне. Протягивает руку к моей талии, скользит по ней вниз.

– Я же тебе на встречу пошёл...

Вторая рука касается моей груди через футболку. Меня начинает трясти. Я перестаю его слышать. Руки и ноги цепенеют, а воздуха катастрофически перестаёт хватать в лёгких. Гаврилов не сразу понимает, что мне нехорошо. Видимо принимает тяжёлое дыхание за возбуждение. Лишь когда у меня закатываются глаза и я начинаю терять сознание, он осознаёт, что что-то не так.

Я прихожу в себя довольно стандартно – от наштавыря перед носом. Вижу круглые перепуганные глаза Льва Саньча. Мысленно радуюсь, что он не из тех, кому потеря сознания сексу не помеха. Убедившись, что я очнулась, он облегчённо выдыхает и поднимается. Откуда-то с холодильника достаёт выдавшую виды ручку и чиркает ей что-то в зачётке.

– Держи, припадочная! – он протягивает мне зачётку. – И если расскажешь кому-нибудь о том, что было, вылетишь на хрен из института. Поняла?

Я, всё ещё пребывая в оцепенении, киваю. Он поднимается и отходит на несколько шагов назад.

– Ну раз поняла, тогда пошла отсюда! – произносит он грозно.

Я, держась за стену, встаю и ползу в прихожую. Там обуваюсь и на нетвёрдых ногах выхожу на лестницу. Только на улице я наконец прихожу в себя. Слезы катятся из глаз, я всеми последними словами начинаю ругать себя за то, что попёрлась какого-то хрена домой ко взрослому половозрелому мужику. Я чего вообще ждала-то? Правильно мама говорила, у всех мужиков только одно на уме, и большинство из них не умеют держать себя в руках. Стоит лишь чуть-чуть потерять бдительность, и всё...

До троллейбусной остановки я бегу. Встречные бабули шарахаются от меня в стороны. В автобусе я с содроганием заглядываю в зачётку, чтобы убедиться, что все мои страдания были не зря. Почему-то глядя на такое желанное слово «зачёт», я ощущаю себя грязной, как будто мне и правда пришлось ради отметки сделать что-то предосудительное.

1.3

Время идёт – подготовка к экспедиции продолжается. А я всё думаю, что бы со мной было, если бы я тогда не хлопнулась в обморок дома у Гаврилова. Хватило бы у меня смелости сказать ему нет, или я так бы и терпела до самого конца. Раньше в детском саду, когда кто-то из мальчиков приближался ко мне, я начинала реветь. Но за это воспитатели и нянечки ругали меня. Со временем я научилась бояться молча, чтобы не доставлять людям неудобств. Очевидно это стало не очень удачной способностью для меня. И вроде бы я не идиотка, и перечитала уже все возможные книги и статьи про харассмент. Но всё равно на практике продолжаю впадать в ступор.

Вот о таком я думаю, сидя в одиночестве дома на полу, среди всяческих походных штук. Надо бы упаковать всё, а я самобичеванием страдаю. В дверь начинают неистово трезвонить. Иду открывать и вижу на пороге соседку Алёну. Мы с ней примерно одного возраста, но не особо общаемся. В основном из-за того, что наши мамы раньше были в контрах. Алёнкины родители оба выпивохи и скандалисты, и моя мама всегда жалела их дочку, потому что считала, что они дурно влияют на ребёнка. Алёнкина же мать жалела меня, поскольку считала, что у моей мамы не всё дома из-за длительного отсутствия мужика и личной жизни. Такой вот балаган. Сама я никогда против Алёны ничего не имела, хоть и не понимала её стремления непременно быть в отношениях, пусть и неважно с кем.

Алёна небрежно здоровается и проходит в прихожую.

– Майка, я у тебя посижу немного? – говорит она, больше ставя меня перед фактом, чем спрашивая. Я задумчиво киваю.

Мы идём в зал. Алёна скептически осматривает разложенный на полу арсенал алюминиевой посуды, батареек и инсектицидов.

– В поход, что ли, собралась? – спрашивает она, присаживаясь на диван.

– Так по учёбе надо. Экспедиция у нас в тайге, – отмахиваюсь я небрежно. – Ты чай будешь?

В глубине души я Алёне рада. Хочется с кем-то поговорить о том, что случилось. Тем более, что у неё опыт общения с парнями побольше моего будет. Я веду её на кухню, разливаю чай по кружкам. Размышляю, как начать разговор. Нельзя же вот так просто вывалить на человека: «Меня тут недавно чуть не изнасиловали».

– Ты поосторожнее там, – говорит Алёна, помешивая чай ложечкой. – У вас ведь наверняка мужики будут в экспедиции. А у тебя эта твоя фобия.

– Мой руководитель – женщина, – произношу я с какой-то надеждой.

– Ну, знаешь, это такая себе защита, – качает головой Алёна. – Мы вон в техникуме как-то пошли в поход, так у нас придурак один нажрался и стал приставать к самой главной нашей тихоне. А преподша только поржала с её воплей. Типа, ох уж эти подростки. Хоть спрей от комаров носи с собой вместо перцового баллончика.

От рассказа Алёны становится жутко, но вместе с тем я чувствую какую-то поддержку. Она не осуждает ту девушку, а значит и меня бы не осудила, решишь я открыться ей. К тому же мне понравилась идея со спреем. Радикально, конечно, но подобные вещи в экспедиции всегда под рукой. Надо научиться защищать себя.

Наконец приходит долгожданный день. Не зря я столько убивалась над лабораторными и рефератами. Экспедиция из восьми человек, включая Ольгу Дмитриевну и меня, отправляется в исследовательский лагерь в тайге. До Усть-Сибирска мы доезжаем на электричке. На станции нас встречает знакомый Ольги Дмитриевны на Пазике и увозит в лагерь. Я впервые оказываюсь в подобном месте, а потому без конца кручу головой по сторонам, пытаюсь разглядеть всё и сразу.

Первое, что бросается в глаза – это лес, обступивший лагерь сплошной стеной, глухой, высокий и непроглядный. Он завораживает своей красотой, пугает шорохами и скрипами, манит загадками и тайнами. Мне слышится странный шепот в шуме ветра, в ветвях деревьев. Кажется, что кто-то зовёт меня и я следую за ним вглубь леса до тех пор, пока один из ассистентов Ольги Дмитриевны не окликает.

– Макарова, ты куда?!

Я прихожу в себя и спешно возвращаюсь назад. Начинаю разбирать вещи, что мы привезли с собой: наши рюкзаки отдельно, отдельно воду, провизию, оборудование. Лагерь состоит из трёх небольших деревянных домиков и пристройки. Поскольку женщины и девушки оказываются в меньшинстве, нам предлагают выбрать дом самим. Мы с Ольгой Дмитриевной осматриваемся и выбираем тот, что поближе к деревянному туалету. Я разбираю свой рюкзак, проверяю на всякий случай сигнал мобильной связи. Естественно, он здесь отсутствует. Но Ольга Дмитриевна говорит, что в случае необходимости мы сможем связаться с цивилизацией по рации. Мне немного тревожно, но я понимаю, куда собиралась.

До вечера мы осваиваемся. После за ужином Ольга объясняет мне план исследовательской работы, говорит что-то о графиках и журналах. Просит держать мобильный при себе, чтобы всегда иметь возможность сделать фото, если фотокамера занята кем-то другим. Я слушаю её вполуха, а сама вслушиваюсь в этот таинственный шёпот. Мотыльки кружат над столом, рядом потрескивает костёр. Ребята переговариваются о чём-то, но всё это лишь фон.

– Иди к нам. Мы здесь...

Я оборачиваюсь по сторонам, вглядываюсь в темноту. Но разумеется, не вижу ничего кроме бесконечных кедров.

– Майя, ты слушаешь? – Ольга Дмитриевна касается моей руки, и я вздрагиваю.

– Что?

– Иди-ка ты отдыхать, – качает головой она. – Совсем носом клюёшь.

Спорить с руководительницей нет смысла. Тем более, что я действительно чувствую себя абсолютно обессиленной. Ночью мне снится сон: огромное кострище и множество полуобнажённых мужчин, произносящих в трансе какие-то слова, будто заклинание. Я просыпаюсь в холодном поту рано утром. За окном ещё стелется молочно-белый туман. Наспех надеваю свой спортивный костюм и бегу до туалета. Слышу подвывание волков где-то вдали.

На обратном пути прохожу мимо нашего стола под открытым небом и вижу рядом с ним щенка. То, что в лагере нет собак, а щенков и подавно, до меня доходит не сразу. А когда доходит, то я, добрая душа, с какого-то перепугу решаю отвести его обратно в лес. Срываю стебель бурьяна и подгоняю его к тропинке, ведущей прочь из лагеря. Он рычит и тявкает, но идёт, потому что стебель с листьями большой и страшный.

Уходить далеко от лагеря не хочется, тем более, когда такой туман вокруг. Я то и дело оглядываюсь назад, чтобы убедиться, что всё ещё вижу дома. Не знаю, быть может, воображение играет со мной злую шутку, но кажется, будто эта тропа какая-то бесконечная. Вчера мне казалось, что мы в этих лесах, будто в чаше, стоит чуть выйти за границы лагеря и упрёшься в сплошной густой лес. Теперь вокруг залитый молочным туманом простор, а кедровые деревья возвышаются где-то там впереди.

Я вновь оборачиваюсь назад и понимаю, что не вижу больше домов. Бросаю тоскливый взгляд на волчонка и поворачиваю назад. Прогулялась, и будет. Надо возвращаться. Спешно иду в направлении лагеря. Белое марево в первых солнечных лучах придаёт всему какой-то мистический оттенок и заставляет нервничать. Я прибавляю шаг, но лагерь всё равно не вижу впереди ни через десять метров, ни через пятьдесят. Конечности начинают холодеть. Я что, не заметила, как ушла в лес, и заблудилась? Слышала ведь о таком раньше. Неужели сама поддалась на этот гипнотический эффект тайги?

Пытаюсь успокоить себя. Понимаю, что нервы и суета – это последнее, что может мне сейчас помочь. В конце концов, можно просто дождаться, когда рассеется туман и по собственным следам найти дорогу назад. Да и Ольга Дмитриевна очень скоро хватится меня, так что можно вполне ожидать, что они отправятся меня искать. Стоит мне только подумать об этом, как я различаю мужские голоса.

– Ты на след посмотри, это точно она...

Голос незнакомый, слишком низкий и грубый. Ещё и выговор какой-то странный. Но я на радостях спешу на этот голос сквозь деревья и туман. Внезапно кто-то с силой хватается меня за руку и прижимает к дереву.

– Не дёргайся, если хочешь жить, – предупреждает меня полушёпотом мужчина за спиной. Холодная дрожь пробегает по телу.

Часть 2 «Моя пленница»

2.1

Артём

Время близится к полуночи. В округе слышны возгласы и ритуальное пение. Так происходит каждое полнолуние. Шаманы в святилищах призывают из другого мира омег, существ другого пола, именуемых среди людей женщинами. Я долго наблюдал за этим, но теперь настало время действовать. Обряд призыва вот-вот начнётся. Я готовлюсь, собираюсь будто на охоту. Беру свой лук, ножи и верёвку, немного сонной травы и воду. Возможно, мне предстоит долго блуждать по лесу в поисках. Поверх рубахи с длинным рукавом, набрасываю маскировочный плащ. Я оттого так долго прожил отшельником, что умею скрываться и быть незаметным. Мой отец обезумел бы от злости, если бы узнал, на что я собираюсь пойти.

Ночь светла из-за полной луны и множества звёзд. Представляя перед глазами собственноручно нарисованную карту, я спешу к ближайшему святилищу. В густом тумане очень трудно не нарваться на кого-то из моих сородичей. Один за другим они подтягиваются к святилищу, чтобы хотя бы посмотреть на женщину.

Я их видел не раз, а потому знаю, что ничего необычного в них нет. Они маленькие, выглядят и пахнут необычно. Но в целом кажется, будто от них больше вреда нашему миру, чем пользы. Омеги слабые, не могут постоять за себя, оттого становятся лёгкой добычей для альф. Те в свою очередь готовы драться друг с другом, лишь бы заполучить желаемое. Из-за слабости омег альфы тоже становятся слабыми. Я хочу изменить это. Оборотни должны эволюционировать.

Чем больше времени проходит с начала ритуала, тем плотнее лес окутывает туман. Он как проводник, как мост между двумя мирами. Я выбираю себе укрытие и старательно прячусь. Святилища из белого камня отражают лунный свет, распространяя вокруг сияние. Глаза оборотней горят хищным жёлтым светом. Постепенно воздух меняется, становится более влажным и холодным. Ритуальное пение стихает. Остаётся последняя часть обряда – поиски призванной омеги. Той, которая должна будет подарить стае новое потомство.

Слышу сдержанные голоса и шаги. Несколько раз мои сородичи проходят мимо, но не замечают меня. Они сейчас слишком увлечены, чтобы обратить внимание на запах ещё одного самца поблизости. Сам я принимаю и прислушиваюсь ежесекундно, стараясь уловить малейшие колебания в воздухе. Наконец мне удаётся заметить что-то странное. Тонкий сладко-горький аромат касается моих ноздрей. Вслед за этим появляется громкий неосторожный шум шагов. Ну что за глупое существо? Инстинкт самосохранения, видимо, напрочь отсутствует. К сожалению, омегу замечают не только я. Ещё двое спешат по следам за невысокой хрупкой фигурой.

Я понимаю, что нужно действовать, и одним прыжком настигаю добычу. Она пытается сопротивляться, но её сил недостаточно. Зажимаю ей рот ладонью, не давая закричать и выдать наше местонахождение. Другой рукой перехватываю руки за спиной. Она извивается точно змея, хочет выскользнуть. Приходится прижать её всем телом к ближайшему дереву.

– Не дёргайся, если хочешь жить, – предупреждаю я. Ощувив мою силу, она послушно замирает.

Аромат её опасно манит, пробуждает во мне скрытые желания. Но я сопротивляюсь этому естественному зову.

С тревогой я замечая, как туман постепенно рассеивается. Смотрю на затылок омеги, её тонкую шею и узкие плечи. Выступающий острый позвонок, прикрытый выбившимися из косы волосами, вызывает наваждение. Я чувствую её тяжёлое дыхание и ускоренное биение сердца.

Это будоражит, хоть я и знаю, что она просто напугана. Передо мной встаёт непростой выбор. Идти в туман, несмотря на риск быть обнаруженным, или остаться в укрытии и попытаться осуществить свой план позже.

Я прислушиваюсь к окружающим звукам и понимаю, что оборотней вокруг стало больше. Видимо, её запах всё-таки привлёк их. Мысль о том, что надо выбираться, приходит как неизбежность. Хрупкое тело дрожит в моих руках. Её кожа холодная, влажная. Я прижимаю её к себе и плотнее закутываю в плащ. У меня не так много шансов уйти с омегой. Есть сонная трава, но чтобы заечь её, мне нужны обе руки.

– Ты боишься меня? – шепотом спрашиваю я её.

Омега опасливо косится назад и кивает.

– Те, кого ты слышишь вокруг – ещё страшнее. Их много и они не станут церемониться с тобой. Так что тебе лучше слушаться меня. Поняла?

Она вновь кивает. Я вдыхаю глубоко дурманивший запах её волос. О, боги, как же трудно держать себя в руках!

– Хорошо, – я немного смягчаюсь. – Будь умницей, и скоро будешь в безопасности.

Я разжимаю ладонь и переносу её плавно на один из ножей за поясом. Если она завершит, останавливать её будет уже поздно. А вот для того, чтобы отбиться от тех, кто поспешит на её зов, нож очень пригодится. Благо, омега оказывается более разумной, чем мне показалось на первый взгляд. Всё ещё полуобнимая её, я достаю из кармана пучок сонной травы. Затем натягиваю маску на рот и нос. Чувствую, как сердцебиение омеги ещё больше ускоряется. Никак задумала какую-то глупость. Но с этим я позже разберусь. А пока что поджигаю сонную траву и незаметно бросаю тлеющий пучок в ворох сухой прошлогодней листвы. Сизый, сладковатый дымок стелется по земле, перемешиваясь с туманом. Такое количество сонной травы не способно усыпить всех альф в округе, но точно может ослабить и демотивировать.

Один за другим они начинают уходить всё дальше и дальше. Кажется, я наконец смогу выдохнуть спокойно. Взяв омегу под руку, я осторожно выбираюсь из укрытия и тяну её в сторону моей тайной тропы. В маске дышать тяжело, потому, как только мы уходим на безопасное расстояние, я снимаю её. Впервые смотрю на свою пленницу прямо. Она кажется привлекательнее тех, что я встречал до этого: круглолицая, голубоглазая, с маленьким аккуратным носом, вздёрнутым кверху. Тяжёлый вздох вырывается из груди. И почему всё так сложилось в нашем мире? Впервые в жизни мне не хочется поступать так, как я обычно поступаю с омегами.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я, пытаюсь быть приветливым.

Она смотрит на меня исподлобья и как-то странно сжимает руку в кармане.

– Я Артём, – показываю пальцем на себя, неуверенный, понимает ли она меня вообще. – А ты?

Вместо ответа омега резко вынимает из кармана руку и вскидывает её перед моим лицом. Я чувствую, как моё лицо покрывает едкое влажное облако. Эта влага разъедает глаза и неприятно горчит на языке. На несколько секунд я оказываюсь дезориентирован. Воспользовавшись этим, омега срывается с места и бежит в чащу. Но забег её оказывается недолгим. Очень скоро под действием сонной травы она слабеет и оседает на землю. Я спешно умываюсь водой из фляжки и обтираю лицо, а затем иду за ней. Она вяло сопротивляется и машет руками, когда я поднимаю её и кладу себе на плечо. Что ж, мне повезло, что её атака не удалась, но в следующий раз надо быть осторожнее.

2.2

Я стараюсь ступать осторожно, чтобы не оставлять следов, но с омегой на руках это непросто. В конечном счёте между скоростью и безопасностью я выбираю последнее. Волчий вой на востоке стихает с восходом солнца. Оборотни возвращаются в свои селения после бессонной ночи. Это значит, что погони можно не опасаться. Сегодня удача сыграла со мной злую шутку. Я не успел разобраться с омегой до того, как растаял туман, но мы смогли уйти от остальных. Видимо, богам было угодно, чтобы она осталась в нашем мире.

Вернувшись домой, я первым делом на всякий случай осматриваю её. Меня интересуют две вещи: первая – не пострадала ли она, а вторая – нет ли при ней ещё каких-нибудь опасных приключений. Омега оказывается невредима. Оружия при ней тоже не оказывается. И меня это даже как-то расстраивает. Если бы я был таким слабым, носил бы с собой целый арсенал. Очередной вздох к моему удивлению вырывается из груди. И что это нашло на меня? Я бросаю короткий взгляд на её спящую мордашку. Симпатичная, на зайчонка похожа. Склоняюсь над ней и убираю тёмную прядь волос с лица. Она морщится, начинает дышать беспокойнее. Потом и вовсе открывает глаза и смотрит на меня испуганно, дико. Каждая мышца на её теле напрягается. Я делаю шаг назад, чтобы не пугать ещё больше.

– Где я? Вы кто?! – спрашивает она, присаживаясь на кровати, подбирая ноги к груди.

Разговаривает, смотри. Я не могу сдержать улыбку. Хмурится, глазами сверкает. Ну, дикая кошка, не иначе. Я сбрасываю плащ. Беру со стола чашу с водой и протягиваю ей.

– Пей, – говорю и киваю на воду. – После сонной травы воды нужно много.

Она трясёт растрёпанной головой.

– Что это за место? Зачем вы меня похитили?

– Я тебя не похищал, – улыбаясь отвечаю я.

Понимаю, что надо бы рассказать ей правду. Но не очень хочется открывать ей все тайны этого мира. Эх, успею я всё проверить всё до того, как растаял туман, не пришлось бы сейчас, ломать голову, как объяснить всё.

– Тогда отведите меня назад, – дрожащим говорит она.

– Не могу, – отвечаю я, хмурясь. – Надо ждать до следующего полнолуния.

– Чего? – омега вновь окидывает взглядом дом. – Вы, должно быть, шутите?

– Нет, я абсолютно серьёзен. Ты не сможешь покинуть это место и вернуться домой, пока не придёт полная луна.

Минуто-другую она думает о чём-то, глядя в окно за моей спиной, а потом в её глазах появляются слёзы.

– Да что это такое? – шепчет она себе под нос. – Почему мне так не везёт? Сначала препод – подонок, теперь маньяк-похититель...

Она закрывает лицо руками и начинает плакать. Не знаю, как утешить её, ибо даже не понимаю, чего она там напридумывала себе. Я сам не особо рад, что придётся держать её у себя целый месяц. Это только неудобно, но ещё и опасно. И для меня, и для неё. Ведь если мои сородичи узнают, что она здесь, то нас обоих ждёт незавидная участь.

Некоторое время она продолжает плакать. Я же возвращаюсь к своим обычным делам. Когда живешь в одиночестве в тайге практически всё твоё время уходит на то, чтобы обеспечить себя средствами выживания: едой, водой, полезными травами и разным расходным материалом, вроде стрел и дротиков. Заканчиваешь одно и тут же начинаешь другое, и так каждый день. Сейчас же у меня появилась ответственность за омегу. Так что нужно стараться вдвойне.

Я бросаю на неё любопытный взгляд. Чувствую нутром, что настроение её переменялось. Она всё ещё всхлипывает, но тело её напряглось, а сердце забилось взволнованно и часто. Опять затеяла что-то. Я, сидя у стола, распутываю сеть, а сам боковым зрением поглядываю

на дверь. Можно было бы дать ей побегать по лесу, чтоб она поняла, что я не шучу, и ей точно не выбраться. Но в моём медвежьем углу много зверья всякого. А она слабенькая, громкая, неуклюжая, оставь её без присмотра – и не миновать беды.

Не подаю вида, но внутренне готовлюсь к броску. С омегами, про всей видимости, нужна та же осторожность, что и с дичью. Моя птичка медленно и осторожно двигается к краю кровати, а потом в один момент подскакивает и бросается к приоткрытой двери. Я срываюсь за ней, но спотыкаюсь о намеренно опрокинутые ей на крыльце силки. Этой заминки ей хватает, чтобы перемахнуть через невысокую ограду и припустить сквозь деревья и кустарник куда-то в сторону полуденного солнца. Я понимаю, что бежать за ней – только подгонять, а потому присматриваюсь к следам. У омеги обувь на правой ноге чуть больше стоптана. Я прикидываю, в какую сторону её поведёт и куда она сама может свернуть с учётом местности.

Коротким путём иду к реке на юго-запад. Прислушиваюсь, различаю спешные шаги. Прячусь в деревьях и выжидаю. Очень скоро омега появляется в поле моего зрения запыхавшаяся и раскрасневшаяся, с расплетенной косой, усыпанной сплошь колючками и репейником. Стоит ей поравняться с моим убежищем, как я бросаюсь на неё и сбиваю с ног. Она верещит, будто я её ножом режу, брыкается так, что не ясно откуда такие силы взялись. Смотрит на меня дикими, ошалелыми глазами.

– Как?! Как ты тут?.. – только и может выговорить она, задыхаясь.

– Я живу здесь уже очень давно, – отвечаю я. – И тебе, если хочешь дожить до следующей полной луны и отправиться домой, лучше меня слушаться и больше не убегать.

Я чувствую, как она дрожит подо мной, чувствую её страх. Что-то опасное просыпается внутри меня. Загнанные в глубины разума волчьи инстинкты рвутся наружу. Я пока что сопротивляюсь им, сопротивляюсь этим горящим холодным огнём глазам, этому дурманящему аромату. Но как долго это продлится, я не берусь судить.

2.3

Всё же странные они, эти омеги. После возвращения домой забила в угол, сидит, смотрит исподлобья. У меня от её напряжённого взгляда всё из рук валится. И как с ней говорить в такой ситуации, пытаться растолковать что-то? Сама вся в колючках, грязная, будто бездомный щенок. Я до этого не задумывался, но её ведь куда-то спать нужно будет положить. В свою постель я её в таком виде точно не пущу.

– Идём, – говорю ей и тяну на улицу. В сенцах из деревянного ящика достаю чесалку для шерсти. Не гребень, конечно, но сгодится. Омега смотрит недоверчиво, держится за косу.

– Это зачем? – спрашивает с опаской.

– Просто посиди смирно, я выберу репейник и собачки, – отвечаю я ей, усаживая на последнюю ступень крыльца.

Она съезживается вся, когда я располагаюсь позади неё и берусь расплетать её волосы. Процесс этот оказывается почти гипнотическим. Её локоны струящиеся и гладкие. Я понимаю, что чесалка для неё – слишком грубый предмет, потому выбираю сор руками, аккуратно и медленно. От омеги пахнет цветами. А сердце её колотится так громко, что, кажется, ещё немного и мои сородичи сбегутся на шум.

– Что ты собираешься сделать со мной? – спрашивает она с дрожью в голосе.

– Причесать пока что, – отвечаю я, выходя из транса. Ловлю себя на мысли, что мне безумно нравится пропускать сквозь пальцы тёмные пряди.

– А дальше?

– А дальше переодеть. Вычистить твою одежду быстро вряд ли получится, так что пока в моём походишь. И если хочешь умыться, там у бани есть кадка с водой.

Омега косится через плечо. Я вижу, как гусиная кожа появляется в неё на руках. А тело снова напрягается.

– И, пожалуйста, не убегай больше, – добавляю я на всякий случай. – Этот лес – мне дом родной. Я всё равно найду тебя и верну. А вот ты можешь пораниться или, ещё чего хуже, нарваться на какую-нибудь зверюгу.

Она ещё сильнее вжимает голову в плечи. Пытается отодвинуться от меня, но её волосы всё ещё в моих руках.

– Зовут-то как? – спрашиваю я, поглаживая их.

– Майя, – осторожно произносит она.

– Как рождённая в мае?

Она кивает.

– Красивое имя, тебе подходит. Ну, я закончил.

Я отпускаю её и она тут же спешит подняться. Щёки её горят румянцем. Я не могу сдерживать улыбку.

– Не бойся меня, Майя. Я тебя не обижу. Напротив, сделаю всё, чтобы защитить.

Она опускает глаза и глядит себе под ноги. Кажется, не верит мне. Но это ничего.

– Иди умываться. А потом будем обедать.

Моя рубашка Ей велика. Висит на ней мешком. Майя смущённо заводит одно колено за другое. Отчего-то это на меня действует, точно запах добычи на хищника. Я сжимаю кулаки и выдыхаю медленно. Даю ей ещё и штаны, потому что понимаю, что если она в таком виде будет вокруг меня разгуливать, то греха точно не миновать. Майя кое-как одевается, подгибает штанины, подпоясывается. Выходит даже сносно.

Мы садимся за стол. Она с подозрением разглядывает грибную похлёбку и запечённое мясо. Потом снова обводит взглядом кухню.

– У тебя нет электричества, – замечает она. Я только киваю.

– В этом мире многого нет, из того, что вы зовёте благами цивилизации, – добавляю, чуть подумав.

– Тогда откуда ты про них знаешь? – недоверчиво спрашивает она.

– От мамы, – отвечаю с горечью. – Она была из вашего мира.

Моя мать умерла очень рано. Она, как и другие попала сюда из человеческого мира случайно и была с моим отцом очень несчастна. Я помню, как она говорила мне, когда я был совсем маленьким, что если я встречу ту, которая мне понравится, лучше отправить её обратно в людской мир, где её дом и родня. Уловив мой тон, Майя оставляет на время расспросы и берётся за ложку. Но со временем любопытство всё равно берёт своё.

– Ты сказал, что те другие люди опасны, – начинает она осторожно.

– Это не люди, Майя, – мягко поправляю я её. – Они волки-оборотни. И для тебя они действительно представляют угрозу. Оборотни живут большими общинами. Каждый раз с приходом полной луны начинается гон. Каждый альфа ищет себе самку, чтобы утолить природные инстинкты. Вот только тем, кого они находят, это причиняет одни страдания.

Я смотрю на неё внимательно, пытаюсь распознать, о чем она думает. Сильно удивлённой она не выглядит. На её лице скорее неприятная догадка. А ещё она становится скованнее в движениях и опасливее, хотя до этого казалось, что больше уже некуда.

– Ты ведь тоже один из них? – она скорее утверждает, чем задаёт вопрос.

– Это так, – подтверждаю я. – Но бояться меня не нужно. Чтобы сохранять разум в полнолуние, я пью настой аконита и волчьей ягоды. Это яд, действующий на моё волчье начало. Средство опасное, но эффективное.

– Зачем тебе это? – нахмурившись, спрашивает она. – Зачем травить себя и помогать мне?

– Затем, что мои собратья погубили достаточно жизней, – откинувшись на спинку стула, говорю я. – Древние боги не напрасно отняли у оборотней омег. Это было наказание за их жестокость. За многие века альфы так ничему и не научились. Вместо того чтобы дать призванным омегам такую жизнь, чтобы они желали продолжить род и принести других омег, мои собратья, мучают их и причиняют им боль. Оборотни сейчас на грани вымирания. Но мы это заслужили.

Майя хмурится и тоже откладывает ложку в сторону. Смотрит на свои руки, вздыхает тяжело.

– Тебе не стоит об этом тревожиться, – говорю я, поднимаясь из-за стола. – Это всё не твои проблемы. Главная задача Майи – хорошо есть, крепко спать, и так до следующего полнолуния. Остальное, оставь мне.

Часть 3 «Отшельник»

3.1

Майя

Мне хочется закричать, но ладонь пропахшая смолой, дымом и чем-то пряным, зажимает мне рот. Я в панике пытаюсь вырваться, но ничего не выходит. Рука тянется к припрятанному в кармане спортивок баллончику со спреем. Я достаю его и изо всех сил жму на распылитель, вот только содержимое баллончика попадает в первую очередь на меня. Кашляю, вытираю лицо и бегу, куда глаза глядят, без оглядки и насколько хватает сил. Вот только сил отчего-то с каждой секундой становится всё меньше. Будто в баллончике у меня был не инсектицид, а самый настоящий хлороформ. Это бред, конечно, но ноги подкашиваются. Я падаю на ровном месте. В глазах мутнеет. Сердце бьётся в панике. Я понимаю, что мне жизненно необходимо оставаться в сознании, иначе беда. Но несмотря на все мои старания, подняться вновь на ноги я не могу. Сжимаюсь в комок от зловещего звука шагов.

Огромная тень нависает надо мной. В расплывающемся белом мареве я вижу два жёлтых глаза. Стараюсь сморгнуть, прогнать наваждение. Неловко взмахиваю рукой. Но сильная мужская ладонь ловит её и закидывает себе на плечо. Из последних сил я отталкиваю его и видимо попадаю ему по лицу. Потому что после, будто мешок, меня закидывают на плечо. От резкой смены положения я окончательно теряю ориентацию в пространстве, а вслед за ней теряю и сознание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.